

Папоркова Н. А.

[ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В СТИХОТВОРЕНИИ ИГОРЯ МЕЛАМЕДА "И АНГЕЛОВ Я ВОПРОШАЮ ТВОИХ..."](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-149. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

1. Гофман, Ирвинг. Анализ фреймов. - М., 1974.
2. Дементьева М. Ю. Представление значений языковых единиц различной структурной сложности на уровне фреймовых моделей // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л. А. Манерко. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. - 2002. - С. 62-68.
3. Демьянков В. З. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С. и др.; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. - М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. - С. 177-179.
4. Жаботинская С. А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сборник научных трудов. - Рязань, 2000. - С. 15-21.
5. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс, 1990. - С. 387-415.
6. Ломинина З. И. К вопросу о формализации знаний в экологическом дискурсе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Lominina/Lominina.htm>.
7. Палкевич О. Я. Концептуализация и категоризация в аспекте аналитико-синтетической деятельности человека // Концепт и культура: Материалы II Международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.). - Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. - С. 976-984.
8. Crumley, B. Watch What You Wear [Электронный ресурс] // TIME Magazine. - Jan. 20. - 2004. - Режим доступа: <http://www.time.com/time/Europe/magazine/article/0,13005,901040202582287,00.html>.
9. Eleventh Inaugural Address. - March 4. - 1829 [Электронный ресурс] (IA 1829). - Режим доступа: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/jackson1.htm>.
10. Fifty-Fifth Inaugural Address. - January 20. - 2005 [Электронный ресурс] (IA 2005). - Режим доступа: <http://www.theamericanpresidency.us/43rdinaugural2.htm>.
11. Lakoff, George. The Contemporary Theory of Metaphor [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ac.wvu.edu/~market/semiotic/lkof_met.html.
12. Scheufele, Dietram. A. Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. - Mar. 1999. - Vol. 49. - Issue 1. - P. 103-122.
13. Simon, Adam and Xenos, Michael. Media Framing and Effective Public Deliberation // Political Communication. - 2000. - № 17. - P. 363-376.
14. Zinken, Jörg. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation and Kognition [Электронный ресурс]: Dissertation. - Fakultät für Linguistik und Literaturwissenschaft der Universität Bielefeld, 2002. - Режим доступа: <http://bieson.ub.uni-bielefeld.de/volltexte/2004/483/>.

ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В СТИХОТВОРЕНИИ ИГОРЯ МЕЛАМЕДА
«И АНГЕЛОВ Я ВОПРОШАЮ ТВОИХ...»

Папоркова Н. А.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Стихотворение Лермонтова «Ангел» исполнено той чистой, пронзительной и нежной музыки, которая своим звучанием может сказать намного больше, чем рассуждения о ней. Это стихотворение довольно сложно отнести к определённом канону и направлению. Можно назвать его примером духовной или медитативной лирики в романтической традиции, но всё уникальное и единственное, что есть в нём, на наш взгляд, заложено не традицией, а неким неповторимым внутренним светом, особым метафизическим развитием пространства.

Можно ли прикоснуться к этой тайне, пытаясь её понять, вступить с ней в диалог, сделать её открытым пространством для восприятия и интерпретации? Настоящее стихотворение, наверное, всегда открыто в бесконечность со всех сторон времени: и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем... Так, в диалог с лермонтовским «Ангелом» вступал и Д. С. Мережковский в философском, лирическом и отчасти мистическом размышлении «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», и другие русские мыслители, религиозные писатели, и поэты разных эпох. В результате проведённого исследования нам представилось особенно интересным обратиться к продолжению этого диалога в современной поэзии. И один из самых ярких примеров такого явления, едва ли даже не единственный в своём роде, мы нашли в поэзии Игоря Меламеда. Это стихотворение «И ангелов я вопрошаю Твоих», - написанное совсем недавно, в конце 2007 года.

И. С. Меламед - известный современный поэт, переводчик, эссеист, автор двух поэтических сборников - «Бессонница» (1994) и «В чёрном раю» (1998). Его творчество исследователи современной литературы характеризуют как продолжение традиционной линии русской поэзии, среди его учителей чаще всего называют Владислава Ходасевича, Георгия Иванова и Арсения Тарковского. На наш взгляд, в поэзии Игоря Меламеда, являющейся собой на фоне современной литературной ситуации несомненный духовный и художественный феномен, в значительной степени присутствует и традиция русской классической поэзии XIX века, восходящая к лирическим стихотворениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского. В его творчестве удивительным образом сочетаются те два начала, которые принято противопоставлять в русской литературе: пушкинская ясность и лермонтовская романтическая стихийность.

Вот цитата из рецензии Евгения Шкловского на сборник Игоря Меламеда «В чёрном раю»: «Есть в поэзии темы, которые можно считать классическими. Обойти их вряд ли кому дано. Новичок или не новичок, автор может иронизировать, осознавая всю громаду того, что уже сотворено до него, и высказывая так либо иначе свою начитанность. Но может и закрыть глаза, как бы забыв про это, словно до него никого и ничего не было, повинуюсь лишь влекущей его силе лирического чувства. Даже осознавая некоторую наивность

такого письма, смиряясь с нею. Дескать, пусть, главное-то всё-таки - выразить себя, свой жизненный опыт, свои переживания, связывающие с миром и другими людьми: печаль и радость, гармонию и разлад, любовь и разочарование, страх смерти и надежду на счастье...» [8].

Стихотворение, к которому мы обратимся, ещё не вошло ни в один поэтический сборник. Мы нашли его на авторской странице И. Меламеда в Сети: <http://imelamed.livejournal.com/7550.html>.

Приведём его здесь полностью: «...И ангелов я вопрошаю Твоих:/ зачем я остался в живых?/ Осеннюю ночью с промозглой травы/ зачем меня подняли вы?/ Уж лучше б меня унесли далеко, / где сделалось мне бы легко,/ в ту местность, куда провиденьем благим/ ко мне бы - один за другим/ - в свой срок прибывали любимые мной/ из горестной жизни земной» (2007).

Прочитав это стихотворение, естественно предположить, что диалог с лермонтовским «Ангелом» является его первоначальным замыслом и основой, но позже выяснилось, благодаря чтению комментариев других читателей и ответов самого автора, что созвучие возникло неосознанно, произвольно. Подтверждает это диалог И. Меламеда с пользователем Живого Журнала *travellersjoy*. В ответ на комментарий друга: «Семнадцатилетнему Лермонтову ответить - какая идея! Очень хорошо», - Меламед размышляет: «Спасибо. К стыду своему не совсем улавливаю, что ты имеешь в виду. Неужели "По небу полночи..."? (...) Ну да. Есть небольшая "рокировка". У Л. нес в этот мир, а в моем "ответе" - из. Как ты все это схватываешь, удивительно... (...) Ну хорошо, я потом, как видишь ниже, сам догадался, что АНГЕЛ. Но это не "ответ", это совпадение интонации, не более того/ У Тарковского, помнишь: "О нет, я не город с кремлем над рекой./ я только что герб городской..." До меня не сразу доходит, но иногда доходит. (...)» На что *travellersjoy* отвечает: «Тем замечательней». [7] И мы, соглашаясь с его словами, обратим особое внимание на иррациональную, интуитивную природу этого диалога. Именно такой природой, на наш взгляд, обладают и те формы диалога, которые мы находим, например, в стихотворениях И. Ф. Анненского «Листы» и Г. В. Иванова «Тихим вечером в тихом саду». В этих стихотворениях отзвуки лермонтовского «Ангела» явлены менее узнаваемо, чем у Меламеда, на уровне строфики и ритмики, но столь же значимы на уровне духовно-метафизической и философской основы лирического сюжета. У Анненского мотив кружения и полёта осенних листьев перекликается с мотивом надмирного кружения ангела в запредельном пространстве, и так же символизирует предопределённое свыше движение человеческих судеб в вечности. У Георгия Иванова образ ангела так же присутствует, только вместо человеческой души ангел несёт в бесконечность звезду - символ человеческой надежды, которую роняет над прудом, не успев достигнуть бесконечности. Упоминаемую Игорем Меламедом ритмическую реминисценцию в стихотворении Тарковского мы пока не имеем возможности включить в ассоциативный ряд, поскольку она представляет собой несколько иную форму творческого диалога с лермонтовской традицией. Но нельзя оставить без внимания ни сам факт её существования, ни рефлексию Игоря Меламеда, вспоминающего о ней. Таким образом, нить диалога продолжает тянуться сквозь несколько эпох и достигает настоящего времени.

В стихотворении Лермонтова [4: 14] вместо вполне ожидаемых двустопных - четверостишия, в которых строки связаны не перекрёстной, а парной рифмовкой, а в стихотворении Меламеда при совпадении ритма и способа рифмовки возникают именно двустопия. Ритмическая реминисценция (вольный амфибрахий - чередование четырёхстопного с трёхстопным) появляется так же внезапно, по озарению и неосознанному совпадению интонации, как зеркальное отражение и преломление лермонтовского лирического сюжета в индивидуальной интерпретации Меламеда. «У Л. нес в этот мир, а в моем "ответе" - из», - размышляет поэт [7]. В данном случае, нам наш взгляд, форму и содержание, означаемое и означающее необходимо рассматривать в синтезе, а не в дифференцированном виде, поскольку иррациональное происхождение диалога предполагает именно целостное восприятие общего и частного, мгновенное совпадение интонации и лирического сюжета, образных, мотивных, символических и ритмических отзвуков.

Стихотворение Меламеда даже начинается союзом «и» после многоточия, как будто продолжение уже кем-то (самим автором или его предшественником) начатой речи. Само по себе построение лирического сюжета представляет собой диалог изначально, причём диалог, явленный одновременно в нескольких аспектах. Притяжательное местоимение в первой же строке: «И ангелов я вопрошаю Твоих», - означает обращение к Богу, назначение же этой строки предвосхищает следующее обращение к ангелам, на котором и основано всё дальнейшее развитие образа. Так две внутренних ветви диалога, составляющих его содержание, оказываются неразрывно связаны с формой выражения, а форма сама за себя, даже независимо от первоначальной авторской рефлексии, говорит о явлении диалога с «лермонтовским текстом». Аспекты пересечения и совпадения лирической интонации очевидны: бытие человеческой души в вечности и в земной жизни, ангел как Божий посланник и посредник между двумя мирами, переносящий душу из вечной жизни во временную - у Лермонтова, и, наоборот, из временной земной в вечную - у Меламеда. И там, и здесь - временная земная жизнь представляется долгим томительным испытанием, отделяющим душу от желанного вечно-го и прекрасного бытия. Но насколько по-разному раскрываются эти категории у Лермонтова и у Меламеда, насколько индивидуально внутреннее понимание внешне совпадающих категорий - вопрос, требующий особенного внимания.

Семнадцатилетний Лермонтов, охваченный романтической тоской по лучшему бытию в лучшем мире, был ещё так близок к детским воспоминаниям и тому видению окружающей действительности, которое особенно свойственно детству. Это видение мира характеризуется способностью остро чувствовать возможность существования вне времени и пространства. Д. С. Мережковский в статье «Лермонтов. Поэт сверхче-

ловечества» называет это свойство «острейшей памятью о вечности» [6: 378-416] и приводит в пример именно стихотворение «Ангел». Жизнь человеческой души в земном мире предстаёт в этом стихотворении как череда однообразных, медленно текущих лет, которые ничем не могут оправдать разлуки с вечностью. Разве только «желанием чудным», которое рождает музыку и заставляет стремиться к постижению истины, но этот смысл остаётся вынесенным за пределы лирического сюжета, он может лишь неосознанно, гипотетически открыться читателю. Но так или иначе, земная жизнь как будто обозначена пунктиром, и то лишь для того, чтобы подтвердить силу тоски о покинутой и ещё не достигнутой вечности...

В стихотворении Игоря Меламеда земная жизнь названа именно жизнью, а не томлением, в первом и последнем двустишии: «И ангелов я вопрошаю Твоих: / зачем я остался в живых?» «... в свой срок прибывали любимые мной / Из горестной жизни земной». А вечность, наоборот, обозначена иносказательно: «Уж лучше б меня унесли далеко, / где сделалось мне бы легко, / в ту местность, куда провиденьем благим / ко мне бы - один за другим - / в свой срок прибывали любимые мной / из горестной жизни земной». Сожалел о том, что остался в живых, спасённый ангелами для продолжения своего земного пути, лирический герой не говорит о том, что эта жизнь страшит его болью и томлением. Этот смысл предполагается уже самим возникновением вопроса: «Зачем я остался в живых? / Осеннею ночью с промозглой травы / зачем меня подняли вы?» Но ещё намного отчётливее, чем метафизическая тоска о вечной небесной музыке, недостижимой на земле, в этом стихотворении звучит боль разлуки с любимыми и родными людьми, которых лирический герой потерял на этой земле, в этой жизни, уже после того, как был спасён и остался в живых. Данный смысл не был реализован в стихотворении Лермонтова. Но основой лирического сюжета, как свидетельствуют воспоминания современников и дневники самого поэта, стало именно воспоминание о песне, которую ему пела мать в его младенчестве, и которую он помнил всю свою жизнь. Мотив разлуки с близкими и любимыми не звучит в этом стихотворении, и собственно лирическое «я» не выявлено, растворено в стихотворном пространстве и присутствует лишь имплицитно.

Таким образом, категория жизни на земле, у Лермонтова возникшая в противопоставление вечности, в стихотворении Меламеда наполняется другим значением, приобретает большую взаимосвязь с действительностью, распространяется и расширяет границы существования. Категория вечности вместо значения первоначального бытия, о котором душа хранит память, возникает в значении последнего тихого и желанного приюта - полностью соответствующего христианскому представлению. Вечность изображена без трагического, или наоборот, восторженного пафоса и надрыва, без избытка выразительных средств и красок, без построения сложных философских интерпретаций и гипотез - но именно теми простыми и верными словами, которые наиболее точно выражают душевное состояние лирического героя. Он жил на земле вдвое дольше, чем юный Лермонтов, и успел перенести и осознать то, что семнадцатилетний юноша мог лишь предчувствовать и предвидеть...

В результате проведенного сопоставления мы видим, что разность и зеркальность этих смыслов при явном совпадении интонации придаёт данному творческому диалогу особую ценность и значимость во времени. На фоне современного литературного процесса может возникнуть впечатление, что всё меньше места для жизни прошлого остаётся в настоящем. Поэтому для исследователя особенно важно убедиться, насколько в частности, в индивидуальном творческом мире всё сложнее, чем в представлениях, свойственных тому или иному направлению, определяющему характер текущей эпохи. Творчество Меламеда не является направляющим, определяющим или ведущим вектором в настоящей литературной ситуации. Но, возрождая к жизни традиции прошлого, наполняя их новой жизнью в настоящем, оно так же открыто в бесконечность, как поэзия Лермонтова, которая таит в себе ещё множество бесценных непознанных возможностей.

Список использованной литературы

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. - Л., 1988.
2. Иванов Г. В. Белая лира: Стихотворения. - М., 1996.
3. Иванов Г. В. Стихотворения. - М., 2002.
4. Лермонтов М. Ю. Лирика. - М., 2006.
5. Меламед И. С. В чёрном раю: Стихи, переводы, статьи. - М., 1998.
6. Мережковский Д. С. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. - М., 1991. - С. 378-416.
7. <http://imelamed.livejournal.com/7550.html>.
8. Шкловский Е. Игорь Меламед. В чёрном раю. - М.: Знамя, 1993. - № 3.

ТЕСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Парецкая М. Э., Савченкова И. Н., Шакирова Г. Р.
Южный федеральный университет*

Тестирование как форма контроля, используемая на всех этапах обучения иностранных учащихся русскому языку, является одновременно и объектом теоретических исследований и сферой практической деятельности русистов-тестологов.